

Елена Аушева

ЗАВЕТНАЯ ТЕТРАДЬ

Сборник стихотворений

Елена Аушева

**Заветная тетрадь.
Сборник стихотворений**

«Издательские решения»

Аушева Е.

Заветная тетрадь. Сборник стихотворений / Е. Аушева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982945-0

В сборник «Заветная тетрадь» вошли стихотворения, написанные в период с 1995 по 2020 годы. На страницах сборника звучат философские размышления об устройстве современного мира, о роли в нём человека, о красоте родной природы. Особое место занимают стихотворения, написанные по мотивам притч, фильмов, сказок. «Заветная тетрадь» хранит в себе всё самое сокровенное, что есть в душе каждого человека.

ISBN 978-5-44-982945-0

© Аушева Е.
© Издательские решения

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
Дориан	8
Тихо	9
Почти что XIX век	10
Зимнее утро	11
Шкура	12
В гости к Богу	14
Монументальные встречи	15
Кузнец и смерть. Версия	17
Начиталась...	20
На подоконнике	21
Слишком современная поэзия	22
Старый год	23
Путь жизни	24
Про Розу и Маленького Принца	25
Я буду	27
Театр весны	28
Шах... и мат!	29
Утешение	30
Разговор с начитанным человеком	31
Весенний кораблик	32
Ад для Поэта	33
История Снежной королевы	34
Весна в красках импрессионизма	35
Ното sapiens	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Заветная тетрадь

Сборник стихотворений

Елена Аушева

© Елена Аушева, 2020

ISBN 978-5-4498-2945-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Хранится в ящичке стола
Заветная тетрадь.
Пишу в ней больше, чем слова.
Кому бы показать,

Как череда неровных строк,
И мысли вьется нить.
Как время капает в песок,
Кипит желанье: жить!

Я с лиц срываю маски прочь,
Мне истина видна.
Вновь дышит откровеньем ночь —
Прозрачна и светла.

Тесны для мира моего
Бумажные листы,
Хочу другим открыть его,
И хорошо, коль ты

Коснёшься трепетной рукой
Исписанных страниц,
Где все идут своей тропой,
Других не видя лиц.

И заблестят глаза росой,
Туманом новых дней,
Ты просто скажешь:
– Хорошо...
И станет мне теплей.

А вдруг по строчкам пробежишь,
Не глядя за слова?
Мой мир заполнит ватой тишь,
Я опущу глаза.

Иль скажешь (просто, не со зла),
Что будет на уме:
– А эту рифму где нашла?
Стихи – ну, так себе.

Потухнет свет, померкнет день,
Похолодеет ночь.
Мой мир завянет. Его нет!
И некому помочь.

Так трусость снова победит!
Зарою я талант —
Мой мир от всех опять сокрыт.
Прости меня, тетрадь!

Дориан

Дориан, погоди. Не спеши уходить
По извилистым улицам страшного Лондона.
Мне с тобой по пути, не смотри на лицо —
В пустоте мертвых глаз жизнь червями изглодана.

Дориан, ты скажи, что ты видел на дне
Самой высшей искусственной призрачной прелести?
Все падения твои, как полет со скалы —
В щепки, навзничь, в осколки, в лохмотья и вдребезги.

Дориан, оглянись, мы – толпа мертвецов,
Разморщинуны в гладкость натянутой юности.
Красотою портрета мы всласть напилась,
Души ядом напоены массовой тупости.

Дориан, брось кинжал, безоружные мы.
Будь как дома под сводами арок изысканных!
В галерее зловонной портреты гниют,
Свитки новые тлеют, кроваво подписаны.

Тихо

Тихо, тихо падал снег.
Звуки вязли. Окна плыли.
Шёл случайный человек,
Поседев от снежной пыли

Тихо, тихо на душе.
Припорошенной печалью.
В белом вечном витраже
Облик дамы под вуалью.

Тихо, тихо! Не спугни
Вальс беспечный снегопада.
Светятся в домах огни,
Светится в душе отрада.

Почти что XIX век (диалог Пелагеи и Максима)

Мне, сударь, душен двадцать первый век,
Зачем же опоздала я родиться?
Mon cher ami, как совершить побег,
Чтоб стать свободной белокрылой птицей?

Подумайте, мой друг, сравнить нельзя:
Бал – и тусовка в модном караоке!
А люди кто? Дворяне, знать, князья,
Манеры светские и взгляды с поволокой.

Максим, я знаю, что мне суждено
Быть девой томной, доброй, благородной!
Я там жила уже. Давным, давным-давно.
Кажусь я всем изрядно старомодной.

Представьте лишь: я в дивном декольте
Играю Моцарта с утра на фортепьяно,
Дом с мезонином. Сад блестит в росе.
Клубится пар над медным самоваром.

Когда устану, наконец, играть,
Сижусь одна, рассеяно скучаю...
Максим сказал:
– Палашка, хватить спать!
Ты барину неси скорее чаю!

Зимнее утро

Мы отрекаемся от жизни,
Окованные цепью сна,
В плену уныния бессрочном
Томимся вяло до утра.
Чернеет небо обречённо
Надменным отблеском чернил.
Писатель мира был задумчив,
Чернильницу вновь уронил,
Запачкал сажей купол неба,
Замазал зыбкое вчера.
В плену уныния бессрочном
Томимся вяло до утра.
Наутро
Свет
Ванильный
Робкий
Растаял в дымке голубой.
В чепцах с оборками берёзки
Смеясь, качали головой.
Лиловый снег под сапогами
Запел о новом синем дне.
Мороженого жёлтый шарик
Светил искрящейся земле.

Шкура

Мудрая бабушка Маня,
Соседка далёкого детства,
Глаз синевою сияя,
Выдала верное средство:

«Что ты ревёшь, дурёха?
К свадьбе не будет ссадин.
Ты смейся назло, если плохо,
Если душою изранен.

Шкура должна быть толстой,
Не чувствовать прутья и палки.
Жизнь, стрекоза, не только
Классики и скакалки!»

Размазаны слёзы с пылью.
Коленка саднит, кровотока.
Я с жадностью залпом выпью
Воды. И скажу между прочим

Шкура должна быть толстой!

Её я склею «Моментом»,
Поверх обмотаю скотчем,
Залью сотню раз цементом.

Шкура должна быть толстой.

Стучитесь в моё пространство!
Я обрела безмятежность,
Спокойствие и постоянство.

Шкура должна быть толстой.

Рубцы набухают на сердце,
Но заперты наглухо дверцы,
Свистят в проводах килогерцы.

Шкура должна быть.

Шкурой.

Шагреновой, туго-звериной,
Серой, с подпалиной сивой,
И как-то особо красивой.

Шкура должна.

А ты шкуре
Насмерть обязан жизнью,
Прочной земной юдолюю,
Пиром на вечной тризне.

Мудрая бабушка Маня
Знала про воды Стикса,
Про чешую дракона,
И подвиги Астерикса.

Живу по законам века,
Спокойно, тихо и гладко.
Зверею. И от человека
Одна лишь осталась пятка.

В гости к Богу

Воскресный светел каждый день,
Когда его встречаешь в Храме.
Малыш, взбираясь на ступень,
Вопрос задаст в платочке маме:
«Мы в гости к Богу, мама, да?»
Мать улыбнётся: «В гости, милый».
Блеск куполов дрожит в глазах,
Их освещая с новой силой.
Знаменьем крестным осенит
Себя мальчонка неумело,
Вглядится в мудрый вечный лик,
Поставит свечку он несмело.
А в церкви льётся благодать,
Куруется ладан нежным звоном,
И так легко-легко дышать,
Словам внимая незнакомым.
Воскресный светел каждый день,
В нём радость чистая разлита.
Звенит ручьём, как птицы трель,
Хрустальный глас митрополита.

Монументальные встречи

Слово грудь теснит —
вздохом прорастёт
О тебе, на других не похожем.
Шагом вдаль пойду —
время вспять течёт,
Я тебя тонко чувствую кожей.

В небе плещется вечная река
Облаков развевая ленты.
Проводи меня, вот моя рука!
Тротуаров цветных позументы

Мой сплетают путь
под дождём из брызг
И лучей низко-красного солнца.
Покажи свой мир,
мой Ханты-Мансийск!
Он молчит. Чуть заметно вьётся

По траве – тропа,
лестница – к холмам,
Деревянных ступеней скрипка.
Чайка режет тишь, воды льёт Иртыш,
Добрый дед протянул с улыбкой

На руках муксуна – щедрая земля
Не одно поколение вскормила.
Мне, рыбак, пора ждёт Ассоль меня!
«Марш славянки» – опять проводила!

Машет долго вслед, вот уж много лет —
В ней судьбы вижу я отраженье.
Старый светел храм, он напомнит нам:
Ждут нас вечно любовь и прощенье.

Здравствуй, князь Самар!
Отпылал пожар
Битв далёких в земле Югорской.
Слышу бубна звук, новый вижу дар
«Дух огня» меня манит к подмосткам.

Углубившись в плащ, вечный Ваня наш
Чародейски пред дверью кружит,
Смотрит на хай-тек,
в двадцать первый век,

Здесь театру и ныне служит.

Я идут пешком: ввысь растут дома,
Заслоня заборы и ставни.
Чумы из стекла, блеск на куполах,
Перемешаны и полноправны.

Ты беспечно юн, ты так мудро-стар,
Охраняют тебя духи кедров.
Воздух сладкий пью, как густой отвар,
Завернувшись в сиянье ветра.

Чёрным золотом пусть
ты с лихвой богат,
Но богатством иным одарен.
Ты мне дорог, как друг,
и как старший брат
Ты единственен. И уникален.

Кузнец и смерть. Версия (в соавторстве с Галиной Аушевой)

Ночь. Деревня (гласит так легенда).
Всполох углей. Играют меха.
Освещенный багрянцем, Климентий
Стук услышал. Швырнув лемеха,

Грозно крикнул:
– От дел отрываешь!
Что так поздно? Давай, проходи!
Обождёшь чуть.
– Вот так ты встречаешь
Гостью ночью? – Застыло в груди,

Как от лютого холода сердца,
Пробежал вдруг озноб по спине!
В кузне жаркой не может согреться:
Тень фигуры с косой на стене.

Балахон грязно-серого цвета,
Капюшон всё скрывает лицо,
– Ты за мной? Дай дожить до рассвета! —
И жене написать письмецо...

Смех растрескался хрипло и сухо:
– Ты живи. Не к тебе я пришла!
– Так чего тебе надо, старуха?
– Косу выправить. Сяду пока.

– Эх, дремучий! Меня ты... прости-ка!
Ну, такой, видно, я остолоп.
Знаем тоже мы гостеприимство:
Сядьте здесь. Тут удобнее. Вот!

Гостя села. Видать, прикорнула.
А Климентий, хоть братец Левши,
Сладить с простеньким делом не может:
Сил – полсилы, и как-то дрожит

Кулачище его, что, бывало,
Гнул подкову свою же не раз.
Это ль шутка. Вот это-то ново!
Провозился с косой битый час!

Всё подправил. Зазубрины. (Эх ма!

По кому ты, лихая, прошлась?!).
Все исправил в работе огрехи,
Фраза вдруг с языка сорвалась:

– Вот, примите, хозяйка, работу!
Будет легче... людей убивать.
То, что было потом, ещё долго
Будет ночью кузнец вспоминать.

– Ты! Ты думаешь – я убиваю?!
Сколько? Много? Ты знаешь число?!
Вы, вы, люди, творите такое!
Убивать – не моё ремесло.

Сразу сникла, ссутулилась горько,
Оперлась на костлявую кисть.
С острых плеч покатила котомка:
– Был мой облик и светел, и чист,

Я была раньше юная дева,
Что цветами встречала всех вас,
Ободрить и утешить старалась,
Свет улыбки дарить, нежность глаз.

Я покой, тишину излучала,
А сейчас! Посмотри на меня!
Резким взмахом сорвав покрывало,
Проскрипела:
– Да, да, это – я!

Изможденная маска печали,
Скорбь застывшая, грустный оскал,
Вместо глаз – два колодца пустыни,
Бесконечных страданий провал.

– Это – Вы! След поступков безумных,
Что меня заставляли страдать!
Это – слёзы детей убиенных,
Это войны! Ещё продолжать?

Был наряд мой прекрасен и светел,
Кровью с грязью пропитан насквозь,
Стал он рубищем, стал неприметен,
Заскорузлым от высохших слёз.

Взгляд отчаянный я теперь прячу,
Боль терпеть – больше нет моих сил!
Да, страшна я! Но это лишь значит, —
Мир стал хуже. – Климентий спросил:

– Коль не ты, что же случилось с косою?
В чем же суть твоего ремесла?
Смерть ответила тихо, с тоскою:
– В рай тропинка совсем заросла.

Начиталась...

Я тебе посвящаю стихи,
Чтоб ты помнил судьбу декабриста.
Лягут грязным бесстыдством грехи
Идеала перфекциониста.

Прорастает крупичка ума
Среди сладких плодов дебилизма.
Растворяют пастели тона
Жуткий холод абстракционизма.

Наплевать, что гармонии нет
В дикой скачке детей футуризма.
Безобразный, противный памфлет —
Время позднего постмодернизма.

На подоконнике

На подоконнике – нитка
Белых жемчужных бус,
Старый пергаментный свиток,
Заученный мной наизусть.
Последней подавится ногой
Шкатулка карельских берёз,
В строчке, больной и корявой,
Горбится старый вопрос:
Кто ты в чернеющей ночи?
Что ты средь белого дня?
Чувствую, странные очи
Смотрят извне на меня:
Ночь надевает нитку
Жёлтых фонарных бус,
В небе рисует калитку,
Стих мой твердя наизусть.

Слишком современная поэзия

Скользко среди букв маленьких,
Щуплых и странно похожих
На одинаковых стареньких,
С лицами юных, прохожих.

Вроде бы паузы кончились, —
Бедные, вместе сгрудились,
Всё пыжились-дулись – скрючились,
Глагольными рифмами вспучились.

Рваные строки, и мысли в них —
Потёртые джинсы с дырками.
Читаю я вслух – вдруг как даст под дых!
Нерифмованными копирками.

Эрато сквозь боль улыбается.
Эвтерпа молчит с видом каменным.
Лавиной на нас изливается
Поэзии бред неприкаянный.

Старый год

Застыл декабрь. Застыли облака.
Застыли древеца в платках пуховых.
Застыла жизнь, задумавшись слегка,
О разных сочетаньях: старых, новых.

Год уходящий вовсе не старик,
Он мудрый, славный, да вот только... бывший.
Он нахлобучит дедовской парик,
С мешком пойдёт, цепляясь им за крыши.

Обронит к каждой ёлке волшебства,
В пакете пёстром и коробке яркой,
А в доме стол готов для торжества,
И детвора, предчувствуя подарки,

Забудет уходящий старый год.
Мир взрослых выдохнет о прошлом тост банальный,
Что новый год, конечно, принесёт,
Удачу и достаток. И печально

Под канонаду праздничной стрельбы,
Что в небе раскрывается цветами,
Нас год оставит в мире кутерьмы,
И память прошлого в свои усадит сани.

Путь жизни

По прямой дороге —
Шагом, цугом.
Путь уймет тревогу, —
Друг за другом
По багряно-алым
Павшим листьям
Шелестим устало —
Каждый призван:
Пашем мелкой сошкой
Поле жизни.
Снег насыпет ложкой
Тот, Кто Свыше.
По дороге узкой
Тихо, робко:
Не заметим спуска
Мы с пригорка.

Про Розу и Маленького Принца

Сказка про Розу
Не может быть прозой.

Про мимозу
В морозы —
Конечно,

Про занозу —
Уже неизбежно!

Но про Розу с планеты Маленького Принца,
Про Любовь всей жизни, что может только присниться,

Про гордость и жалость,
Про боль и усталость

Только длинные строки плавные,
Сказки вечной напевы печальные!

Она прилетела. Наверно, хотела?
А вдруг это Ветер, подувший несмело,
Её подхватил к неизведанным далям,
На крыльях понёс, отряхнув пыль сандалий,

Болтал о вещах, совершенно неважных.
Она в своём страхе была так отважна,
Что, выпустив разом сто тысяч колючек,
Вонзила нечаянно. Долго, тягуче

Звучала прощальная песня Эфира.
Упала на землю, нежнее зефира.

Корнями вцепившись, почувствовав силу,
Рывком поднялась, гибко выпрямив спину,
Она грациозно склонила головку,
Приняв неизбежное как остановку.

Принц утром полол, как всегда, баобабы,
Планеты своей созерцая масштабы,
Вдруг тонкий и трепетный звон ароматный
Услышан им был. За красу благодарный

Он тянется к ней, от восторга немея,
На пальце кровавая дань пламенеет.

За что?! – вопрошают глаза голубые.
Мой друг, нынче люди, ты знаешь, какие.
Но ты так прекрасна, не бойся меня!
Тебе не смогу причинить я вреда!

Она так искала любви неустанно,
Что Принцу поверила. Глупо и странно.
Но в сердце красивом вдруг стало теплее.
И Роза, от чувства заметно хмелея,

Ключочки усилием воли сокрыла,
Их спрятав в себе. Боль её окатила,
Внутри разрывая, колело сознание.
Я выдержу всё!
Принц услышал признание.

Застыл. Пододвинулся. Нежные пальцы
Погладили стебель, слегка прикасаясь.
Склонившись над ней, он вдыхал воздух сладкий,
Шептал ей слова. Миг закончился краткий —

Шипы, обращенные в сердце бутона,
Изранили душу её. Утомлённо,
Поникнув головкой, склонясь до земли,
Она, умирая, шептала: «Прости...».

Его красный шарф развевался в пустыне.
Ты знаешь его. Он в тебе и поныне.

Я буду

Я буду писать, невзирая на боль,
Когда я по лезвиям – вновь босиком,
Когда обезглавлен прекрасный король,
Когда попирается правый закон.
Я буду писать, сквозь метели и мглу,
Теря любовь, провожая друзей,
Сломаю Кощееву в сердце иглу
И дверь распахну для немногих гостей.
Я буду писать, потому что ты ждёшь,
Ты веришь в меня, веришь добрым делам.
И, чувствуя сердцем, где правда, где ложь,
В слезах я склоняюсь к усталым стопам.

Театр весны

Спектакль отыгран «Зима».
Умолк яркий шум бенефиса.
Повсюду царит кутерьма
Отъезда ведущей актрисы.
Она отслужила свой срок,
И гром восхищённых оваций
Затих, обмельчал и умолк.
Померк белый цвет декораций.
Одежда со сцены снята,
Кулисы лежат грудой грязной.
Нагая сквозит пустота.
Смывается грим. Лик прекрасный
Стал просто обычным лицом,
Усталым. Мешки под глазами.
Рабочие сцены гуртом
У рампы стоят с фонарями,
Меня рассеянный свет
На дерзкие вспышки и блики.
Сценограф рисует проект,
Скрывая изящно улики
Забвенья одной ради той,
Чей голос любовь обещает,
Её аромат пеленой
Манит, освежает, дурманит.
Зелёный теперь кабинет.
Стоит капельдинер у входа.
Он вслух оглашает билет:
«Весна время лучшее года!»

Шах... и мат!

Ты гордо называешься «поэт»
И гордо кроешь трехэтажным матом.
Ты любишь сложность? Напиши сонет!
Но не по силам, друг. Пытался. Да куда там!

Не говори, что матершинник был
И Пушкин, и Есенин, и Маяковский.
В тебе я остужу ретивый пыл:
Ты можешь, как они? Так в чем загвоздка?

Возьми перо, в чернильницу макни,
Мир озари ты гениальной строчкой!
Твой лист нетронут: час, минуты, дни.
Тогда замолкни. Жирной чёрной точкой.

Утешение

Жёлтый парк в танце мягкого золота,
В шелестенье конфетной фольги
Всколыхнёт, что прожито, что дорого,
Успокоит волненья твои.

Под ногами шуршащие, нежные
Золотые монетки берёз.
Утешайтесь красою, мятежные,
Не стесняясь нахлынувших слёз.

Разговор с начитанным человеком

Много слов заумных,
Грузных слишком,
Ворох дробных, шумных.
Мозгу – крышка.
Подсознания вопль
Под сознанием,
Жаркий пасадобль
В три касанья.
Твой Пелевин – гений,
Вне сомненья.
Точит червь сомнений
Моё мнение.
Мне цитату-бомбу
Мураками.
Я – на бой, где зомби
С дураками.
Все сплелось в единой
Оде-речи.
Разум нашей эрой
Покалечен.

Весенний кораблик

Присели в реверансе
Сугробы-балерины.
Снегов застыли танцы.
Опали кринолины.
Бесформенные кучи
Остатки белых граций,
Вдруг проскользнёт сквозь тучи
Лучом протуберанца
Светило. И журчащий
Ручей качает нежно
Кораблик настоящий.
Бумажный. Белый-белый.

Ад для Поэта

Мои слова упали медным звоном,
Осыпались шуршащею листвою,
Растаяли печальным тихим стоном,
Они ушли, их больше нет со мной.
Мои слова былой лишились силы:
Несказанные ломятся в виски,
И тяжесть ватная. Поддену их на вилы,
Извилины серых затяну тиски.
Они погибнут, не увидев света,
Не обогрев тебя своим теплом.
Вступаю в ад крошечный для поэта:
Безмолвный дом под вывеской «потом».

История Снежной королевы

Подруга звала ее Снежною Девой
За синюю сталь чуть прищуренных глаз,
За веру в холодное зимнее небо,
За дивный узор замороженных фраз.
Горячее трепетно сердце горело
Несбыточным вечным ярким огнём:
Питая любовь, вдохновенно воспело
Поэзию дней, проведённых вдвоём.
Лик северной Девы искрился слезами,
Когда закипала на сердце боль,
Она украшала стихами-цветами
Вечернего неба глубинную смоль.
Но не было холода в облике девы,
Никто не немел от такой красоты,
Он звал её Снежной своей королевой
Из льдистого Царства извечной зимы,
Печальным был рыцарем и менестрелем
В промозглых дождях суеты городской.
Он ждал ее в гости из царства метели —
Любовью ее напоить и тоской.
Лишь с ним королева пылала, не тая,
Лишь с ней забывал он забрало и меч.
Им выпало счастье, как мука святая:
Так сложно достичь. Как прекрасно – сберечь.

Весна в красках импрессионизма

Здесь возвышаются нежно снега
Цветом опавшей весны в Понтуазе,
В небе холщовом под кистью Дега
Кружат танцовщицы в синем экстазе.
Мимо плывёт солнца медленный круг —
Огненно-жёлтый подсолнух Ван Гога.
Пишет Пикассо квадратных подруг,
На человек похожих немного!
Светом обшиты стволы у берёз
Импрессионизм щедро делится краской:
В долгом сиянье мерцающих звёзд
Жизнь разноцветна. Проста. И прекрасна!

Homo sapiens

Человек! Вот ответь мне ты, молодой,
Что ты видишь, когда ты идёшь домой?
Буквы серых слов,
Битвы странных снов,
Фоток чуждых муть —
Ими соткан путь.

Эй, чувак! Горло я просто так деру:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.